

«Северный вестник» 1887, № 9.

«Н. Михайловский» - «Северный вестник»

Мас. № 975₆

НОВЫЯ КНИГИ.

Ан. П. Чеховъ. Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Спб. 1887.

Очень подходящее заглавие выбралъ г. Чеховъ для новаго ма-
ленькаго сборника своихъ рассказовъ. Въ цѣломъ они дѣйстви-
тельно напоминаютъ сумерки, когда замирающій свѣтъ не даетъ
глазу рѣзкихъ контуровъ и определенныхъ красокъ, когда эта
своеобразная незаконченность образовъ, оборванность перспективъ,
смутность освѣщенія вызываютъ въ насъ странное, хотя и всѣмъ
знакомое чувство тихой, дѣливой и въ концѣ концовъ пріятной
грусти. Въ этомъ чувствѣ, не смотря на его смутность, есть что-
то самоудовлетворяющее. Вы знаете, что вотъ эта аллея, вдругъ обры-
вающаяся полумракомъ, тянется, должна тянуться и дальше, пока
не упрется въ калитку, въ открытое поле, въ прудъ, но вы не
ищите этого продолженія или конца. Вогъ съ ними, и такъ хо-
рошо смотрѣть, довольствуясь намекомъ на продолженіе. Воиъ
полуосвѣщенное человѣческое лицо, уголь балкона, затаятый
темью,—и хорошо, и не надо лампы, которая докончитъ контуры
и освѣтитъ углы. Любопытствующее желаніе полноты картины
чѣмъ то точно придавлено, глазъ дѣлively въжиктея, мысль не тре-
вожится вопросомъ: а тамъ что? дальше-то? Въ другое время не-
премѣнно бы взгляды въ это полуосвѣщенное лицо, потому что
оно, кажется, очень интересно; непремѣнно бы прослѣдилъ эту
аллею до конца, потому что она, кажется, красива и заманчива,
но теперь, въ сумерки, ничего этого не надо. На душѣ тихо, хо-
рошо, хотя и отнюдь не весело, и тѣмъ болѣе не смѣлively. Если
въ такую пору разговоры разговаривать, такъ пусть они будутъ
тихіе, грустные, отрывистые, вопросы безъ отвѣтовъ, отвѣты безъ
вопросовъ, рассказы безъ начала и конца, фавулы безъ развязки:
не хочется, не интересно, дѣлively развязывать какіе бы то ни было
узлы,—хорошо и такъ...

Г. Чеховъ талантливый человекъ, талантъ его своеобразенъ
и симпатиченъ, но до сихъ поръ достаточно выжидалась только
одна сторона этого своеобразнаго и симпатичнаго таланта, сто-

Кн. 9. Огд. II.

Чеховъ → Лекции 11 сент. 1887г. «Я пишу „Северный вест-
никъ. Рецензия на далеко напутанную статью Чинича, или,
какъ говорятъ тѣмъ, „бумажка. Пришелъ я и читалъ мало коня 1“ (II, 188)
Чеховъ → Чеховъ 3 авг. 1887г.: „Вчера (...) с 10 1/2 часъ утра
до трехъ я сиделъ у Михайловскаго (Крумковича) меня в
„Северномъ вестникѣ“ в компаніи Глеба Успенскаго и Коро-
ленко: ели, пили и друтively божественно“ (II, 159).

рона, для которой самъ авторъ подсказываетъ характеристику заглавіемъ своего новаго сборника,—сумеречное творчество. Именно сумеречное и, значитъ, пожалуй полу-творчество. Г. Чеховъ только завязываетъ узлы и никогда ихъ не развязываетъ. Онъ покидаетъ своихъ героевъ всегда въ самую критическую минуту, когда коллизія обстоятельствъ ихъ жизни достигаютъ высшей степени сложности и трагизма; онъ—*laisse à deviner* всю дальнейшую, несомнѣнно интересную судьбу его дѣйствующихъ лицъ. Но особенность его таланта состоитъ въ томъ, что читатель довольствуется этимъ оборваннѣмъ рассказомъ и ничего не пытается угадывать,—хорошо и такъ. Въ этомъ и сила, и слабость г. Чехова. Сила, потому что, конечно, дорогого стоитъ эта рѣдкая способность такъ осязнуть думу читателя сумеречнымъ настроеніемъ, что онъ довольствуется обрывками, какъ фильмъ, незаконченнымъ, какъ законченнымъ, получая притомъ своеобразно цѣльное художественное наслажденіе. Слабость, потому что у этой медали есть обратная сторона: такъ мало заинтересовываетъ читателя г. Чеховъ своими дѣйствующими лицами, что ему, читателю, нѣсколько не жаль, когда эти дѣйствующія лица, чуть не на полусловѣ, но на самомъ интересномъ полусловѣ, исчезаютъ безслѣдно, уступая мѣсто новымъ дѣйствующимъ лицамъ въ новомъ сумеречномъ очеркѣ.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ рассказовъ.

Рассказъ «Вѣдьма».—Поздній вечеръ, въ полѣ буря, мятель, а въ церковной сторожкѣ идетъ странный разговоръ между плюгавымъ, неприятнымъ дьячкомъ и молодой, красивой дьячихой, вышедшей за него замужъ отнюдь не по склонности, а престо для того, чтобы, послѣ смерти дьячка-отца, за ней мѣсто дьячковское осталось. Заслышавъ въ полѣ колокольчикъ, привораживающій къ сторожкѣ, дьячокъ высказываетъ давно уже зародившуюся у него мысль, что жена его—вѣдьма, которая, «когда въ ней начинаетъ играть кровь», поднимаетъ непогоду, а непогода загоняетъ въ сторожку профъжихъ, и все молодыхъ. Дѣйствительно, и на этотъ разъ буря и мятель загоняютъ въ сторожку молодого почтальона съ почтой. Почтальонъ только обогрѣлся, вздремнулъ, распросилъ дорогу и поѣхалъ дальше, но за это короткое время успѣлъ все-таки обмѣняться нѣсколькими ласкающими словами и даже жестами съ дьячихой. Послѣ его отъѣзда дьячиха, въ которой этотъ мимолетный эпизодъ разбудилъ неудовлетворенное чувство, свирѣпѣетъ на постилаго мужа и горько клянетъ свою несчастную судьбу. А дьячокъ, все продолжая укорять ее за колдовство, замѣчаетъ въ себѣ въ то же время приливъ особенно нѣжнаго чувства къ этой «вѣдьмѣ». Но на его попытку супружеской ласки дьячиха отвѣчаетъ ударомъ локтемъ въ переносицу...

Рассказъ «Вѣрочка».—Молодой человекъ, Огневъ, проживъ нѣкоторое время по дѣламъ въ деревнѣ, въ незнакомомъ дотошѣ семействѣ, уѣзжаетъ. До города онъ идетъ пешкомъ и его провожаетъ Вѣра Гавриловна, Вѣрочка, молодая дѣвушка, къ которой

онь очень привнес за время своего житья въ деревнѣ и потому ему очень нравится. Дорогой Вѣрочка смущенно и затруднено объясняется ему въ любви, а онь, неожиданный этого и вдобавок нравственно востребанный жизнью, глупо теряется, и они расстаются.—онь, проклиная свою глупость и «собачью старость», уходитъ въ городъ, а она—домой.

Рассказъ «Агафья».—Молодой пастухъ Савка, длинная, поэтическая натура, чѣмъ-то очень нравится бабамъ. Онь и самъ до нихъ падохъ. Хотя вѣсть съ тѣмъ относится къ нимъ пренебрежительно и свысока. Итъ за бабъ у него постоянныя исторіи до поборокъ въ полостномъ включительно. Приворожилъ онь, между прочимъ, Агафью Стрѣльчиху, сонель молодую бабенку, всего годъ какъ замужемъ за молодымъ же стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ. Приходитъ Агафья ночью на свиданіе къ Савкѣ, приходитъ и запаздываетъ домой, такъ что возвращаясь ей приходится утромъ, при солнечномъ освѣщеніи, и мужъ, прождавъ и пропскавъ ее всю ночь, жлетъ ее на дорогѣ. Мужъ и жена видятъ другъ друга, оба знаютъ въ чемъ дѣло. Смущенная жена остановилась было и приѣхала, но потомъ «вдругъ всколыхна, потнула головой и смѣлой походкой направилась къ мужу; она видимо собралась съ силами и рѣшилась»...

Познакомившись съ этими тремя рассказами даже въ нашемъ сухомъ и бѣгомъ изложеніи, читатель все-таки можетъ быть заинтересуется: деевать, ну какъ-же дальше жили дѣточекъ съ «вѣдьмой», пожаловался-ли онь на нее попу-духовнику, или угрожалъ, сбѣжала-ли она отъ него, были-ли еще встрѣчи въ родѣ какъ съ почтальономъ или такъ все и замерло въ явномъ семейной тиши и глади? Какъ «Вѣрочка» послѣ неудачнаго объясненія въ любви коротала свой вѣкъ? Какъ встрѣтились Агафья Стрѣльчиха и ея мужъ? Убилъ онь ее или прибилъ, вырвалъ, простилъ? Какія она слова говорила?.. Никакихъ такихъ и подобных естественныхъ вопросовъ, при чтеніи сборника г. Чехова, не возникаетъ,—и такъ хорошо...

Условно, однако, хорошо. По поводу первого сборника очерковъ г. Чехова («Пестрые рассказы») въ Северномъ Вѣстникѣ было уже упомянуто о томъ газетномъ много и скоро-писаніи, которое не доведетъ талантливаго автора до добра. Мы можемъ быть уже присутствуемъ при началѣ исполненія этого печальнаго предсказанія. Или, по крайней мѣрѣ, новые его очерки и рассказы съ еще болѣею настоятельностью наводятъ на мысль объ чрезмѣрной торопливости. Взять хоть-бы ту-же «Вѣдьму». Подълинно она лишнюю недѣлю въ письменномъ столѣ у автора; дай онь себѣ потомъ трудъ перечитать ее еще разъ съ карандашомъ въ рукахъ,—и, конечно, гнѣвныя рѣчи дьячка не рѣзали-бы уже своимъ спокойствіемъ и смѣстѣйностью. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы дьячокъ, при вышесказанныхъ условіяхъ, изливалъ свой гнѣвъ и предъявлялъ свое обвиненіе въ такія, въ вапримѣръ, словахъ:

— Вдѣла и вѣсть вдѣла! продолжалъ Савелій глухимъ, плачущимъ голосомъ, горючато сморкнувъ въ подошву рубахи. — Хоть ты и жена мятъ, хоть и духовнаго званія, но я о тебѣ и на духу такъ скажу, какъ ты есть... Да какъ-же? Заступи, Господи, и помилуй! Въ прошломъ годѣ подѣ пророка Данила и трехъ отроковъ была мятель я — что-же? — мастеръ грѣться захладь. Потомъ на Алексѣя Божьяго человека, рѣку наломало и урядника пригнессо... Всю ночь тутъ съ тобою проклятый калякалъ, а какъ на утро вышешь, да вѣкъ заглядываю я на него, такъ у него подѣ глазами круги и веѣ щеки втянуло! А? Въ Спасовку два раза гроза была и въ оба раза охотнѣе вочевать приходило. Я все видѣлъ, чтобъ ему пропасть! Все! О, красивѣе рака стала! Ага!

— Ничего ты не видашь...

— Ну да! А этой зимой передѣ Рождествомъ на десять мучениковъ въ Критѣ, когда мятель день и ночь стояла... помнишь? Писарь предводителя сблеса съ дороги и сюда, собака, попать...

Очевидно, что обвинительная рѣчь дьячка слишкомъ спокойна и слишкомъ дьячковская для человека въ положеніи Савелія, рѣшившагося обвинять жену въ цѣломъ рядѣ измѣнъ, да еще при помощи бѣсовскихъ средствъ. Г. Чеховъ такъ торопился сдать свой набросокъ въ типографію или въ редакцію, что не успѣлъ проникнуть въ существо имъ самимъ созданнаго образа и ухватился за такую внѣшнюю подробность, какъ званіе дьячка. Дьячокъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ записывается въ сердцѣ своемъ и «пророка Данила и трехъ отроковъ», и «Алексѣя Божьяго человека», и «Спасовку», и «десять мучениковъ въ Критѣ», но вѣдь это послѣднее дѣло, что Савелій—дьячокъ. Онъ—оскорбленный человекъ, обезумѣвшій отъ ревности и суевѣрныхъ мыслей, онъ—грозный и страстный обвинитель, которому читатель охотно простилъ-бы забвеніе всего, что можетъ и долженъ помнить дьячокъ.

И потомъ, какъ-бы ни были пріятны сумерки и сумеречное настроеніе души, но они были-бы и скучны, и неудобны, и, прямо сказать, безчеловѣчны, если бы тянулись постоянно. Именно безчеловѣчны, потому что ужъ и теперь какая-же это человечность, если вы, на минуту заглянувъ въ церковную сторожку, гдѣ мучатся и другъ-друга мучать дьячокъ съ дьячпхой, въ смиренную душу Вѣрочки, въ души Агафьи и ея мужа, тотчасъ-же отходите прочь, не заинтересовываясь дальнѣйшей судьбой этихъ страдальцевъ, не задумываясь надъ ней? Вамъ хорошо въ вашемъ лѣнивомъ и явобонитствующемъ спокойствіи, но другимъ-то каково съ вами и около васъ жить? Веѣ очерки, вошедшіе въ лежащій передѣ нами томикъ, написаны на темы, отъ которыхъ такъ или иначе отдастъ болью и скорбью, но, благодаря сумеречному творчеству талантливаго автора, вы получаете извѣстное эстетическое наслажденіе, а боль и скорбь идутъ какъ-то мимо васъ, по крайней мѣрѣ мимо вашего сознанія, лѣново и безучастно довольствующагося красивой картинкой безъ перспективы, занимательнымъ началомъ безъ конца, трагической завязкой безъ развязки!

Поэзия поэта.

85

Было бы очень желательнымъ, чтобы г. Чеховъ попробовалъ зажечь въ своемъ набилетѣ рабочую лампу, которая освѣтила бы полусвѣщеннаго лица и разогнала бы полумракъ, затгивающій абрисы и контуры. Говоря безъ метафоръ, мы желали бы видѣть цѣльное, законченное произведеніе г. Чехова. Можетъ быть онъ стихийнымъ образомъ осужденъ своимъ талантомъ своего таланта на сумеречное творчество, но можетъ быть ему предлаженно и большее...

Ирина
чуждо-созн-но
-18 том/чуждо-но,
св. Чехова издана
(или кончина)
Восточн. Млада
чужд. издана
в сооп. со свѣтл
чуждо-но.

— // — < Н. К. Михайловскій >